

Николай Коняев

**НА ЗЕМЛЕ
СВЯТОЙ
ТРОИЦЫ**

Николай Михайлович Коняев

На земле Святой Троицы

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51838970

На земле Святой Троицы / Коняев Н.М. : Сатисъ; Санкт-Петербург;

2007

ISBN 978-5-7868-0054-9

Аннотация

В своих очерках, путевых записках, написанных в ходе поездок по Санкт-Петербургской епархии, я стремился запечатлеть десятилетний процесс воссоздания епархиальной глубинки из небытия, стремился запечатлеть то подвижничество, которое не под силу было вести отдельным батюшкам и прихожанам, как бы замечательны и православны они ни были, если бы они не признавали себя единым Собором Русской Православной Церкви.

Содержание

Молитва русского народа	7
Очерки из епархиальной глубинки	
Прощеное воскресенье	7
1	7
2	9
3	10
4	12
5	13
6	15
7	16
Любушкина десятина	18
1	19
2	21
3	23
4	25
5	25
В темнице был, и вы пришли ко мне...	27
1	27
2	28
3	29
4	31
5	34
В начале весны	36

1	36
2	38
3	40
4	43
5	45
6	47
7	49
8	50
9	51
Господи, помилуй	53
1	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Николай Коняев

На земле Святой Троицы

По благословению

Митрополита Санкт-Петербургского и Ладонжского

ВЛАДИМИРА

© Н.М. Коняев, текст, 2007

© Издательство «Сатись», 2007

Молитва русского народа Очерки из епархиальной глубинки

Прощеное воскресенье

В село Сомино, самый дальний приход Петербургской епархии, нас пригласил священник церкви святых апостолов Петра и Павла отец Геннадий Беловолов.

Отец Геннадий принадлежит к тому новому священству, которым пополнилась Православная Церковь после атеистического лихолетья. Он закончил аспирантуру Института русской литературы (ИРЛИ), до сих пор работает научным сотрудником музея Федора Михайловича Достоевского, пишет диссертацию «Святоотеческие источники в романах Ф.М. Достоевского», но уже рукоположен в иереи, служит в храме села Сомино¹.

1

Не такое уж и великое расстояние от Петербурга, а совсем другая погода, снег чистый, зима спокойная, глубокая...

¹ События, описываемые в очерке, происходят в 1994 году. Сейчас протоиерей Геннадий Беловолов служит на Леушинском подворье в Санкт-Петербурге.

И простуда у моего спутника куда-то ушла.

Не зря еще в Питере, на вокзале, обещал ему отец Геннадий: «На свежий воздух попадешь да помолишься, вот и выйдет вся болезнь».

Вышла...

Главное же в Сомине – храм святых апостолов Петра и Павла. Он стоит на пригорке, видимый с любого двора, словно парит над землей, собирая воедино всю округу.

У Андрея Реброва об этом храме стихотворение написано:

На церковных окнах —
ризный снег сочельника,
Дымом и хвоею
тянет из-под рам, —
Будто бы на облаке
возлетает с ельником,
С речкой и деревнею
православный храм.
Раздышу я шепотом
изморозь оконную —
От простора белого —
аж в глазах черно...
А вдали над речкою
над долиной звонною,
Как звезда Господняя
теплится окно...
Елочки завьюжены,

и сторожки заперты,
Тропка запорошена —
никого на ней,
Только одинокие,
светятся у паперти
Два следа от Ангельских
маленьких ступней...

– Не совсем об этом... – говорит Андрей.

Может, и не совсем...

Когда о храмах пишут, всегда получается не совсем об этом конкретном, а вообще о храме.

Иначе-то и не бывает. Иначе просто о памятнике архитектуры выйдет, а не о храме.

Но все остальное – точно.

И излука реки, и ельники, и необозримый белый простор, и храм...

А вот и дом отца Геннадия – как раз напротив храма.

2

Отец Геннадий, как я уже говорил, и сейчас продолжает совмещать службу в храме с музейной и научной работой. В приходе он проводит примерно половину времени.

Каждую неделю ездит сюда...

Семья летом живет в Сомине, а зимой – в городе.

Сейчас зима. Но в доме нет ощущения заброшенности,

данности...

И дело не только в том, что печи накануне – кирпичи еще хранят тепло – протопили.

Нет... Дело в другом.

Жизнь здесь не сама по себе, а для Служения.

Дом при храме и жизнь – для храма. Без излишеств и своеволия.

И, конечно, иконы. Они висят в каждой комнате. Настоящие, намоленные иконы. Иконы, которые не только ты видишь, но которые и тебя видят. Какая-то ласковая строгость исходит от них. И от этого возникает в душе ясность и сосредоточенность.

А быт что?

О быте тоже нужно заботиться...

– Сегодня я сам управляюсь по дому, – говорит отец Геннадий. – А завтра служба в храме. На завтра распределим послушание. Тебе, Андрей, водное будет, а вам (это ко мне) огненное – печи топить.

3

Все знают, какое бессчетное число храмов было уничтожено у нас в России.

Но, пожалуй, только вот в таких дальних приходах и понимаешь, насколько опустошающим был этот смерч.

Церковь в Сомине – единственная на весь район. И по-

нятно, что прихожане ее – не только здешние жители. Едут отовсюду. И едут издалека.

Здесь, в Сомине, даже есть специальный дом, что принадлежит церковной общине, в котором можно остановиться. Это что-то вроде бесплатной гостиницы. Здесь стоят кровати. Есть здесь и печь, где можно приготовить или разогреть еду.

И хотя много коек, как в общежитии, но чисто и уютно, даже по-домашнему.

Впрочем, это и есть дом. Странноприимный...

Такое вот совсем уже, кажется, исчезнувшее из языка слово встретилось здесь...

И встретилось не в разговоре, не в воспоминаниях, а наяву, живьем... Возле храма встретилось...

Вился дымок над трубой. Топилась печь в странноприимном доме. Мы зашли поздороваться.

Приехало несколько женщин из Пикалева.

Поговорили с отцом Геннадием о вечерней службе, о дровах, еще спросили что-то по хозяйству. Потом пожилая женщина отозвала отца Геннадия в сторону, и я, хотя и не прислушивался, различал в разговоре чужие в этом доме слова: иск, народный суд, заседание...

Оказалось, что женщину эту недавно уволили с работы, и она приехала просить благословения: хочет подать в суд, чтобы ее восстановили.

– Бедная женщина... – сказал про нее отец Геннадий. –

Скорбь за скорбью у нее.

Возможно, читателю странным покажется соединение таких слов, как «благословение» и «судебный иск». Хотя чего же тут странного? Церковь не возбраняет искать защиты и в земном суде. Заботится она только о том, чтобы не ожесточилась в судебных кляузах душа человека. Тут-то и нужно благословение.

4

Погода менялась. Когда мы приехали в Сомино, днем подтаивало на солнышке. Но уже к вечеру, после вечерней службы, начало подмораживать.

Морозило все Прощеное воскресенье.

Отец Геннадий встал рано, я слышал сквозь сон, как умывался он, как молился, но самому проснуться сил не было. Так и ушел он без нас в церковь. Мы пришли туда, когда уже шла служба.

По сравнению с вечерней службой народу собралось много.

Весь зимний придел был заполнен. И исповедь долго шла, и причастие. А потом у отца Геннадия – мы-то уже вернулись в дом перекусить – еще крещение было, дома он появился только около четырех.

– И не тяжело так – с утра, не евши? – спросил я.

– Нет, – ответил отец Геннадий, – и не замечаешь, когда

службу ведешь. Сейчас бы только чайку попить и дальше служить идти. Будет чин Прощения...

Действительно, попил чаю и отправился снова в храм, куда, выполнив «водное» и «огненное» послушания, пришли и мы.

Сейчас народу было совсем мало, всего несколько человек, но светились огоньки у икон, звучали слова молитв...

5

После службы собрались у отца Геннадия заговориться на Великий пост.

Пришли учительница литературы сельской школы Наталья Ивановна, крестившаяся год назад в свои почти шестьдесят лет, а теперь читающая на клиросе, главный врач местной амбулатории Мария Андреевна, фельдшерица Людмила, которая читала на литургии Апостол, другая молоденькая учительница с мужем-лесничим – к церкви сейчас потянулась сельская интеллигенция.

Пришел и алтарник Володя Костромской, бывший студент Литературного института...

Это главные помощники отца Геннадия.

Я почитал свой очерк об убийстве монахов в Оптиной Пустыни, опубликованный в «Молодой гвардии»...

Сколько раз мне приходилось читать свои сочинения и где только ни приходилось, но в этом чтении в доме сельского

священника было что-то особенное.

И разговор после чтения тоже завязался очень душевный. Говорили об истории здешней церкви.

В прошлом Сомино было большим купеческим селом, и храм с колоннами так и строили, чтобы подчеркнуть его значимость.

Володя Костромской рассказал, что в 1820 году жители Сомино обратились к императору Александру Павловичу с прошением о строительстве в их селе церкви святых апостолов Петра и Павла.

Отец Геннадий рассказал, что одновременно с церковью Петра и Павла в Сомино местный помещик, генерал Илья Мамаев, начал строить храм в соседнем Журавлеве. И движимый ревностью, истратив все свое состояние, поставил-таки пятиглавый – подобного и в Петербурге не было – Воскресенский собор с восемью престолами.

Церковь в Сомино вновь открыли в 1940 году, и она, слава Богу, сохранилась, а храм в Журавлеве, к прискорбию, до сих пор в забвении.

И о чем бы ни говорили мы: о трагедии ли, разыгравшейся в Оптиной пустыни в пасхальную ночь, о Соmine ли, которое – еще предшественник отца Геннадия высчитал – стоит на одном меридиане с Иерусалимом, и здешнее время по минутам совпадает с земною жизнью Спасителя и Богоматери, о погоде ли говорили – все получалось о самом главном, без суеты, без раздражения...

Мы все, собравшиеся здесь, были разными.

И мало мы знали друг о друге.

Но я смотрел на незнакомые мне еще вчера лица и думал, что самое главное друг о друге мы, конечно же, знаем – знаем, что мы православные...

На этом и завершилось Прощеное воскресенье.

6

Шутя, отец Геннадий сказал, что слова песни «У природы нет плохой погоды» – почти дословная цитата из Епитимийника Кирилла Белозерского, ибо там сказано: «А кто похулит погоду, тому три дня поста...»

Это в городе у нас погода сделана отчасти и самим человеком, а в сельской местности пока от Бога она, так что грех жаловаться здесь на погоду.

С утра понедельника опять начало подтаивать и воздух словно бы засветился, засверкал в солнечных лучах.

Службы не было, и мы пошли в лес.

Вернее, это местный пастух Петр повел нас показать дальние ключи.

Ключей вокруг Сомина много.

Называют их здесь ржавцами, и они повсюду, словно сама здешняя земля сочится благодатью. Но дальние ключи – особенно мощные. Словно водопад стекает по крутому берегу Соминки...

Петр показывал ключи, и лицо его светилось радостью, как будто он свое хозяйство показывал.

Впрочем, чье же еще, если не свое?

Отсюда, с крутого берега, хорошо было видно всю округу. И церковь святых апостолов Петра и Павла – тоже. Она виднелась среди еловых ветвей, словно елочная игрушка.

Уже в который раз убеждался я, что отовсюду виден храм.

И он-то и собирает округу воедино, держит ее, не дает распасться пространству на куски снежного безлюдья...

И ночью тоже так. Гаснут огни, пропадают в темноте улочки, но освещенная прожекторами церковь сияет в кромешной ночи, обозначая путь для припозднившегося путника.

7

Вечером в понедельник, как и по всем церквям православной России, начали читать в церкви святых апостолов Петра и Павла покаянный канон Андрея Критского.

Паникадила были потушены, горели только свечи, да огоньки лампад светились в темноте.

Суровые звучали в сумерках храма слова канона.

На чтение собралось человек двадцать.

Для Сомина это немало.

«Для меня каждый новый прихожанин – радость», – говорил отец Геннадий.

Прекрасен этот канон, исполненный величественной поэ-

зии. Но в сельском храме, среди бесконечной тишины и забытости, слова его звучат особенно торжественно и значимо – слова, открывающие Великий пост:

«Откуда начну плакати окаяннаго моего жития деяний? Кое ли положу начало, Христе, нынешнему рыданию? Но яко благоутробен, даждь ми прегрешений оставление».

В темных стеклах окон вечерние огни Сомина мешались с отражениями лампад и свечей, и казалось, что там, за стенами храма, – огромное селение.

Впрочем, почему же казалось, если зримо и реально было явлено сейчас то Сомино, которое было, которое есть, которое будет, пока будут звучать в православных церквях покаянные слова:

«Душе моя, душе моя, востани, что спиши? Конец приближается, и имаши смутитися. Воспряни убо, да пощадит тя Христос Бог, везде сый и вся исполняй»...

Любушкина десятина

Тогда многие петербуржцы ездили в Сусанино.

Здесь, в станционном поселке, недалеко от Вырицы, жила Любушка.

Была Любушка старицей, многое было открыто ей, многое происходило, как говорили, по ее молитвам...

Молилась она по руке. Ведет пальчиком по ладони и повторяет имена. Говорили, что все ее духовные чада записаны у нее на ладошке, вся Россия...

Рассказывали, как однажды на праздник Казанской иконы Божией Матери пропала Любушка из дома... Встревожились женщины, жившие со старицей. Куда пойти могла, если и по избе едва двигалась? Отправились искать и нашли в церкви.

– Добрела-то такую дорогу как? – удивлялись.

– Так не одна шла... – ответила Любушка. – Богородица пособила.

Много таких историй про Любушку рассказывали, а ездили к ней за советом, за молитвою.

Любушка послушает гостя, потом пошевелит пальцами, будто книгу листает, и ответ даст.

От многих я слышал, что советы эти помогали жизни наладиться.

Обращались к Любушке со своими бедами и мирские люди, и священники, и маститые протоиереи.

Рассказывали, что однажды привезли к Любушке девочку с сухой рукой. Никакие доктора не помогали, а старица погладила девочку по руке – и восстановилась рука... Девочка потом призналась, что испытывала в эти мгновенья необычайную легкость во всем теле.

1

Однажды я тоже сподобился побывать у Любушки.

В Сусанино мы с женой приехали в компании православных поэтов.

Было это зимой.

День выдался морозный, чистый.

Сверкали на солнце заиндеветшие ветки.

Было тихо. Только громко, на все Сусанино, скрипел снег под ногами.

Дом Любушки мы нашли легко. Любушку в Сусанино знали.

По утопанной тропиночке вошли во двор и поднялись на крыльцо.

Потом долго стояли в небольшой комнатке возле жарко натопленной печи – ждали, пока позовут к Любушке.

Женщина, назвавшая себя грешницей Раисой, взяла продукты, которые мы принесли, и как-то сразу расположилась к нам.

– Ходят-то, ходят-то... – вздохнув, пожаловалась она. – А

ведь разные люди... Матушке-то тяжко очень, когда не одни приходят...

– Так мы тоже вроде как целой компанией... – засмутились мы. – Мы не знали...

– Это ничего, что компанией... – сказала грешница Раиса. – Главное что – одни. А та, – она кивнула на дверь в комнату, – нет. Та не одна пришедши...

И повернувшись к иконам, перекрестилась.

Наконец дверь в комнату, где находилась Любушка, открылась и из нее вышла женщина лет тридцати. На щеках – красные пятна, глаза – беспокойные.

Женщина, похоже, занималась какой-то издательской деятельностью. Порывшись в сумочке, извлекла целую пачку бумажных иконок.

– Любушке хотела оставить... – сказала она. – Наша продукция...

– Нет-нет! – замахала руками Раиса. – Заберите. Не надо нам.

Когда женщина ушла, я все-таки не удержался и спросил у Раисы, почему отказалась от иконок. Разве иконы могут быть лишними?

– Дак не знаю... – простодушно ответила Раиса. – Вся стена иконками увешена. Любушка у нас ведь как говорит: что вы думаете? – это нарисовано? Нет... Это не рисунки, не фотографии. Это сами святые и стоят... Это для других икона – картинка, а для Любушки нет. Сколько ни будет икон, а

каждой она поклонится. Хоть и нету сил-то, и так едва на ногах стоит... Да ведь и закрепить такую иконку не знаешь как. Того и гляди, упадет... Не знаю уж, чего бумажками иконы печатают... А Любушка плачет потом.

На этом разговор с грешницей Раисой прервался.

Меня позвали к Любушке.

2

Растерявшись, я вошел в комнату, вся стена которой действительно была завешена иконами, и увидел низенькую сгорбленную старушку.

Опираясь на клюку, неподвижно стояла она возле стула, на который мне и велела сесть присутствующая в комнате женщина.

– Вы громче спрашивайте! – сказала она. – Совсем плохо слышит матушка.

И совсем растерялся я.

Мне стало жалко Любушку – она напоминала больную бабушку, и только глаза были такие голубые, чистые-чистые... Такие чистые глаза, наверное, бывают у Ангелов...

Но растерялся я по другой причине.

Только теперь и сообразил, что не знаю, чего спрашивать. Можно было придумать какой-нибудь праздный вопрос, только зачем спрашивать то, что самого не слишком волнует?

А что волнует?

Если честно, то больше всего занимал меня вопрос, отчего я так переживаю порою, **как** выглядел в глазах того или иного человека и при этом почти не думаю, **как** выгляжу в очах Божиих?

Впрочем, и это не вопрос, поскольку ответ на него известен наперед. Понятно, что если человек живет праведно, то ему и хочется, чтобы Бог видел его. А коли грешишь, то не только не хочется этого, но хочется, чтобы Бога как бы и не было вообще.

Нет... Что-нибудь надо было, конечно, спросить.

Я бы и спросил.

Но не сообразить было нужного вопроса в этой комнате, где с бесчисленных икон и иконок смотрели на тебя со стен не рисунки, не фотографии, не полиграфические воспроизведения святых, а сами святые...

– Помолитесь за меня, пожалуйста, – еле слышно проговорил я.

Что-то неразборчивое проговорила Любушка.

– Что? – спросил я.

– Имя ваше она спрашивает... – сказала женщина.

– Николай.

Любушка что-то перевернула в своей невидимой книжке и, опустив голову, беззвучно зашевелила губами.

Я вышел.

Так и осталась Любушка в памяти – сгорбленная, малень-

кая, с беззвучной молитвой на устах, окруженная стоящими вокруг нее святыми.

Многие видели Любушку такой, многие такой ее и запомнили...

Многие петербуржцы ездили к Любушке из года в год, и они рассказывали, что хотя и идут годы, а Любушка не меняется. Такое впечатление было, что уже давно она живет как бы вне нашего времени.

И казалось, что так и будет всегда, но потом вдруг уехала Любушка из Сусанино.

– Уезжаю... – как передавали, сказала она. – Никто не молится здесь, только говорят...

3

А последние годы блаженная Любушка, как и дни своей молодости, провела в странствиях...

Побывала она в основанной преподобным Амвросием Оптинским женской обители в Шамордино, была в Дивеево... Около года старица провела в Николо-Шартомском монастыре Ивановской области, а 29 января 1997 года перебралась блаженная Любушка в Вышний Волочок.

В свое время по ее благословию приняла здесь игуменья Феодора полуразрушенный Казанский монастырь. Много раз опускались у нее руки, но Любушка не разрешала ей оставить начатое дело, укрепляла Феодору молитвами и со-

ветами.

А вот теперь и сама прибыла к своей духовной дочери.

– Вот я и приехала домой... – сказала она.

Игуменья Феодора очень опасалась, как бы не уехала матушка.

– Вас не будет, – говорила она Любушке, – и я не смогу без Вас.

– Потерпи до лета... – отвечала блаженная.

В конце лета она начала болеть.

Ей сделали в Твери операцию, но операция не помогла.

10 сентября в 22 часа Любушка попросила причастить ее, и все поняли, что она готовится отойти.

Сестры начали подходить попрощаться с Любушкой.

Она у всех просила прощения и молилась за всех. Все время писала пальцем по руке.

11 сентября, в день Усекновения главы Иоанна Предтечи, в 11 часов ее причастили в последний раз.

До последней минуты Любушка была в сознании и молилась.

Еще при жизни Любушка говорила, что Сама Матерь Божия Казанская придет за ней в белом платье, и вот за полчаса до смерти лицо ее начало просветляться.

Похоронили Любушку 13 сентября 1997 года возле Казанского собора с правой стороны алтаря.

А на следующий день, 14 сентября, по старому стилю 1 сентября, наступило церковное новолетие.

Вот, оказывается, до какого лета просила блаженная потерпеть игуменью Феодору.

4

А к нам, в Санкт-Петербург, год или два только слухи и доходили о Любушке.

Один слух нелепее другого...

Как всегда бывает, когда пытаются истолковать на обычный лад святое юродство...

Знать бы, что в Вышнем Волочке, в Казанском монастыре живет Любушка, можно было бы и съездить, спросить: неужто и там, где она странствовала, тоже только говорят, а не молятся?

Теперь не спросишь уже.

Преставилась Любушка...

Жена рассказывала потом, что, когда заходила к Любушке, та взяла ее за руку и долго водила так по комнате, как будто мама ребенка...

5

Ну, а мне другой момент припомнился...

На следующий день после поездки в Сусанино собирался я в редакцию, стал рыться в карманах, а денег – ничего нет...

Сказал жене.

– Ты возьми в столе... – сказала она.

– Как я возьму, если ты вчера последние пять тысяч из стола забрала. Давай их, я разменяю...

– А у меня нет...

– Нет?! Но ты же вроде ничего не покупала вчера...

– Не покупала...

– А те пять тысяч где? Потеряла?

– Нет... Я у Любушки оставила... Ты же видел, как они живут...

Я видел, конечно...

Только и у нас эти деньги последние были.

Хотелось сказать жене что-нибудь резкое, но она так виновато смотрела на меня, что не хватило духу обругать ее.

– Ладно... – сказал я. – Займу у кого-нибудь... А там, может, за книгу мою деньги подойдут...

Натянул сапоги.

Когда пальто застегивал, телефон зазвонил.

– Николай Михайлович! – раздался женский голос. – Вам надо к нам приехать, гонорар получить...

– За что?

– Вам, как консультанту, гонорар выписан...

– Да что я там консультировал? Просто поговорили... – Я не знаю ничего... Вам пятьдесят тысяч выписано. Адрес помните?

Такой вот эпизод...

Я его про себя «Любушкиной десятиной» называю...

В темнице был, и вы пришли ко мне...

*Тогда и они скажут Ему в ответ: Господи!
когда мы видели Тебя алчущим, или жаждущим,
или странником, или нагим, или больным, или в
темнице, и не послужили Тебе?*

*Тогда скажет им в ответ: истинно говорим: так
как вы не сделали этого одному из сих меньших, то
не сделали Мне...*

От Матфея, 25, 44–46

Еще не рассвело, когда наша машина въехала в поселок
Металлострой.

Темнели в морозных сумерках строения ИТК № 5.

По верху высоких стен, остро вспыхивая в прожекторном
свете, бежала колючая проволока...

1

Подобные учреждения узнаешь сразу. И не только по ко-
лючей проволоке, а по особой нежиле вокруг, по омертвев-
шему равнодушию окружающего пейзажа.

Священник Александр Степанов – у него был пропуск! –
ушел в зону, чтобы начать исповедь, а протоиерей Владимир
Сорокин отправился хлопотать о пропусках для меня и для

певчих. Дело – мы приехали в воскресенье – неожиданно затянулось.

Постояв в плохо освещенном вестибюле, я вышел на улицу.

Видимо, близилась пересменка, и на ступеньках топтались охранники с автоматами.

Вспыхивали в сумерках огоньки сигарет.

Разговоры шли о пайковом довольствии. Мелькали названия горячих точек. Но мимоходом... На предмет воспоминаний, как **там** обстояло с пайковыми деньгами.

2

Рассвело, когда наконец все согласовали.

Мы по трою начали заходить в тамбур с автоматически захлопывающимися решетками.

Здесь проверка. Осматривают вещи. Сверяют паспорта с пропусками.

Все это по-тюремному медленно и настороженно.

Коротая время, я разглядывал фотографии – в анфас и профиль, – висящие на стене в будочке контролерши. Над фотографиями надпись: «Склонны к побегу».

Наконец проверка завершена.

Первая тройка проходит в зону.

И здесь – так неожиданно после бесконечных согласований и проверок! – улыбающееся, светлое лицо пришедшего

встретить нас заключенного.

– Отец Александр уже исповедал меня! – весело говорит он, забирая у протоиерея Владимира Сорокина тяжелые сумки со свечами и книгами. – Послал вас встретить...

За улыбающимся, совсем непохожим на заключенного провожатым двинулись и мы.

Долго шли по промзоне.

Везде – колючая проволока.

Еще – надписи...

Например: «Женщинам без сопровождающих передвигаться запрещается!»

Наконец по оплетенным колючей проволокой переходам проходим в саму колонию.

Здесь многоэтажки казарм.

Грязновато-сиреневое здание клуба.

И вроде бы ничего странного, но все так безысходно и пропитано несвободой, что становится тяжело дышать.

И тут мы поворачиваем, и сразу в глаза – такой светлый здесь! – храм священномученика Вениамина, колокольня, а рядом – похожая на игрушку церковная избушка...

3

Храм священномученика Вениамина – первый тюремный храм, заново построенный в наши дни.

Вспоминая о начале его строительства, протоиерей Вла-

димир Сорокин рассказал, как пригласили его – это было в конце 80-х – прочитать для заключенных лекцию.

– Православие – не лекции... – сказал тогда, выступая, отец Владимир. – Православие – исповедь, молитва, причастие.

Как ни странно, но слова его оказались услышанными. Через месяц отца Владимира пригласили в колонию уже отслужить молебен.

– Кажется, и первая Литургия в колонии тоже здесь была совершена. В этом клубе и служили ее... А потом решили храм строить. Не начальство, а сами заключенные...

Этот первый тюремный храм освятили во имя священномученика Вениамина, митрополита Петроградского.

Как раз в те годы состоялось прославление этого святого, смело выступившего против захвата Русской Православной Церкви подученными ГПУ священниками – обновленцами.

Митрополит Вениамин отлучил тогда самозванцев от Церкви.

Ему угрожали, но владыка был тверд. Сохранилось письмо, написанное митрополитом Вениамином перед расстрелом. «Трудно, тяжело страдать, но, по мере наших страданий, избыточествует и утешение от Бога. Трудно переступить этот рубикон, границу и всецело предаться воле Божией. Когда это совершится, тогда человек избыточествует утешением, не чувствует самых тяжелых страданий, полный среди страданий внутреннего покоя...»

Нелепо сближать судьбу столпа православной веры – священномученика Вениамина – с судьбами уголовников, отбывающих наказание в НТК № 5...

Но я стоял среди них в церкви и – «по мере наших страданий избыточествует и утешение от Бога» – как бы забывал, где идет служба, кто стоит рядом... Мы никуда не уходили из зоны, но вся мучительно давящая несвобода осталась там, за дверями церкви...

4

Не существует свободы большей, чем подлинное христианское смирение...

Об этой свободе и писал за несколько часов до расстрела священномученик Вениамин. Об этой свободе – неумело и порою неловко – говорилось в письмах заключенных, которые дал мне посмотреть отец Александр Степанов.

«Здравствуйте, братья и сестры! Я еще очень молод, а уже совершил ужасные грехи. Хочется очиститься от них и уверовать во Христа всем сердцем, душою и разумом. Срок у меня очень большой. Помогите с духовной литературой...»

«Вы делаете доброе дело, помогая по возможности осужденным. Помогаете им не потерять веру в Господа, что Он всех любит, какой бы ни был человек...»

Письма эти адресованы прихожанам Братства великомученицы Анастасии Узорешительницы, которое возглавляется отцом Александром Степановым.

Многие письма – просьбы.

Чаще всего из больниц. В основном – от туберкулезников.

«Здесь очень плохо с питанием. Мы уже больше полгода не имеем жиров. Нам говорят: пишите родственникам. А мне не от кого ожидать помощи. Мы здесь находимся взаперти и никуда не ходим. Работы тоже нет. Дмитрий С.».

«Лекарств фактически нет, питание умеренное... Игорь В.».

«Меня не будут пока отправлять на больницу, потому что на больнице тоже большие трудности с медикаментами и продуктами питания. Когда засыпаешь, снится обычный хлеб, и от этих снов просыпаешься в холодном поту. Алексей Т.».

На многих конвертах рукой Дмитрия, члена Братства великомученицы Анастасии Узорешительницы, сделаны пометки, **что** из просимого послано. Средства на посылки собираются всем Братством.

Читать эти письма тяжело.

И одновременно – очень легко.

Порою одновременно захлестывает из этих писем и тьмою безвыходности и таким ясным, нечаянным светом...

«Здравствуйте, братья и сестры... Спешу сообщить, что у меня большие перемены в жизни: мне заменили исключительную меру на пожизненное заключение, и что теперь со мной будет, куда меня увезут – не знаю. Низко кланяюсь вашему храму Анастасии Узорешительницы. Я всем вам, братья и сестры, очень благодарен за ваш нелегкий труд, за милосердие ваших душ и сердец. Я – ваш приемный дитя. И стою на коленях в храме с вами и молюсь».

Много говорится сейчас, что исправительно-трудовые учреждения становятся своеобразными университетами для уголовного мира. Попадая за сравнительно незначительные правонарушения, многие вскоре возвращаются назад уже за совершение тяжких преступлений.

– А церковная община в колонии? – спросил я у священника Александра Степанова. – Разве она не способствует тому, чтобы человек вырвался из замкнутого круга?

– Способствует, конечно... Пока человек в общине находится, все хорошо. Проблемы начинаются, когда на свободу выходит. Это как камень в воду – хлоп... Где вынырнет – неизвестно. Ситуация очень легко может такого человека затянуть. Ему помочь бы надо первые месяцы, так сказать

реабилитационный период пройти...

– А вы поддерживаете контакты с ними?

– Поддерживаем... Многие в наше Братство великомученицы Анастасии Узорешительницы приходят...

– Работают?

– Некоторые и работают... Олег П., например, воспитателем в приюте стал. Алексей и Александр – шоферами... Как ни странно, очень хорошие братья милосердия из бывших экзов получают...

5

Братство Святой великомученицы Анастасии Узорешительницы очень тесно связано с храмом священномученика Вениамина в Металлострое.

О связи, осуществляемой через конкретные человеческие судьбы, мы уже говорили.

Но существует и мистическая связь.

И здесь можно было бы помянуть, что на подворье ярославского митрополита, где размещается теперь Братство святой великомученицы Анастасии Узорешительницы, неоднократно бывал Василий Казанцев – будущий митрополит, будущий священномученик.

Можно сказать и о том, что знамя борьбы с чекистским обновленчеством Русской Православной Церкви предстояло подхватить из рук расстрелянного митрополита Вениамина

митрополиту ярославскому Агафангелу, но все эти случайные – и такие не случайные! – исторические совпадения отходят тут на второй план...

После посещения колонии, тюремного храма, знакомства со священниками, служащими здесь во спасение своих ближних, и их паствой – заключенными – еще острее воспринимаются слова Господа из евангельской притчи о Страшном Суде:

«Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: Ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне»... (Мф. 25, 34–36).

В начале весны (Введено-Оятский монастырь)

Был тусклый весенний день...

Расплескивая грязно-желтые лужи, наш «Икарус» мчался по шоссе над оттаявшими, влажно-серыми полями. Порою к шоссе стеною подступал лес. Черные деревья, под деревьями – тяжелый, сырой снег.

С погодой нам явно не повезло.

Когда выезжали из Питера, еще проблескивало солнце, а сейчас все небо затянуло тучами... Безнадёжно-серое, низко висело оно впереди.

Зато внутри автобуса, как выразился наш сосед, стояла «теплынь духовная». Читали житие Александра Свирского, с именем которого многое связано и в истории Введено-Оятского монастыря...

1

Пятьсот пятьдесят лет назад в этом называвшемся тогда Островским Введения Пресвятыя Богородицы монастыре молились родители великого русского святого о даровании сына.

Здесь, как утверждает предание, услышали они голос: «Радуйтесь, доброе супружество, се бо услышал Господь мо-

литву вашу и имате родити Сына утешения тезоименита: яко в рождестве его утешение церквам своим подати имать Бог».

И, действительно, когда пришло время, родился у Стефана и Вассы отрок. Назвали его Амос.

Случилось это 15 июля 1448 года.

Подобно другому великому русскому святому, Сергию Радонежскому, в детстве Амос не отличался способностями и в учении сильно отставал от сверстников.

«Было же это по смотрению Божию, – говорит житие, – да не от людей получит познания, а от Бога».

И, действительно, в ответ на молитву – «просветить его ум и очи сердечные светом Божества, разумети учение Божественного Писания» – отрок услышал глас: «Еже просил еси, имаше восприяти».

Все переменялось с того дня.

Скоро Амос превзошел всех сверстников и неустанно продолжал совершенствоваться в изучении Святого Писания. А когда ему исполнилось двадцать шесть лет, он ушел в Валаамский монастырь, где и получил при монашеском постриге имя Александр.

Александр Свирский основал монастырь, сделавшийся известным по всей России. Он единственный русский святой, удостоившийся явления Пресвятой Троицы.

Девять учеников преподобного прославлены Русской Православной Церковью. Ну, а исток этой святой реки, этого дивного сияния – в Введено-Оятском монастыре.

Здесь, где вымолили они своего святого сына, и приняли родители Александра Свирского постриг после ухода сына в монастырь. Скончались Стефан и Васса иноками Островского Введенского монастыря.

Здесь их могила.

2

Удивительное дело...

Легенда о граде Китеже, уходящем под воду на глазах изумленных врагов, снова и снова повторяется в нашей истории.

В какую бы эпоху ни заглянули мы, повсюду обнаруживаются подобные Китежи, в какую бы местность ни попали — везде отыщутся люди, слышавшие доносящийся из неразличимой глубины времени чистый звон колоколов затонувшего града.

Немало таких историй и в Введено-Оятском монастыре.

В двадцатом году пришли в монастырь чекисты в черных кожаных куртках и расстреляли здешних монахов.

Они торопились. Прогремели в ночной тишине выстрелы.

Тела расстрелянных сбросили в яму за гумном и засыпали землей, скрывая следы преступления.

Только как же скроешь, если и десятилетия спустя жители окрестных деревень слышали по ночам пение расстрелянных иноков, доносящееся из полуразрушенных храмов.

И колокольный звон – тоже различали, хотя уже сломана была колоколя, разбиты и увезены в металлолом колокола...

Рассказывают, что однажды приехали на железнодорожную станцию две учительницы. Было это уже в наши дни, когда монастырь начали восстанавливать, учительницы в монастырь и ехали. Дороги они не знали, а спросить, из-за позднего времени, было не у кого. Растерялись паломницы, не знали, куда идти, что делать... И вдруг ясно различили звук колоколов.

– Слава Богу! – обрадовались они. – Пойдем скорее, может, еще на вечерню успеем.

Каково же было удивление, когда в сумерках увидели они заросшие травой руины.

Тем не менее колокольный звон не прекращался.

Откуда-то из-под земли звучал он...

Говорить о достоверности или недостоверности подобных рассказов бессмысленно. Каждый слышит то, что слышит его душа, различает то, что различает сердце...

И это не самообман, не галлюцинации, а вполне объективная, как любят говорить твердолобые материалисты, реальность.

Работая в архиве ФСК, я наткнулся на дело «оятских священников».

Тринадцать человек проходили по этому делу...

Т.М. Чернявский, В.А. Кудрявцев, С.С. Елпединский, Г.И. Иванов, А.С. Крылов, П.С. Стручков, Е.И. Румянцев, А.Е. Макаров, П.Е. Макаров, К.М. Богданов, М.Н. Калинин, О.С. Максимов, И.В. Филипов...

Все они были расстреляны.

Фабула дела, которое вели Оятский и Лодейнопольский райотделы НКВД, проста и незамысловата.

Уполномоченный Карельской епархии Николай Степанович Надеждин собрал на квартире протоиерея Михаила Ивановича Романова в Лодейном Поле нелегальное (а были легальные?) собрание благочинных, на котором дал – так утверждается в следственном заключении! – установку на развертывание контрреволюционной работы.

По его указанию священник Сергей Семенович Елпединский завербовал для проведения контрреволюционной работы протоиерея Тихона Михайловича Чернявского, священников Германа Ивановича Иванова, Александра Семеновича Крылова, Павла Семеновича Стручкова, братьев-кулаков Алексея Егоровича и Павла Егоровича Макаровых, а также старост других церквей района.

В результате была создана контрреволюционная организация, которая – подумать только! – ставила своей задачей «проведение своих кандидатов в Советы при очередных выборах».

Проводивший допросы помощник оперуполномоченного Оятского райотдела НКВД Чуркин довольно быстро – все следствие длилось чуть больше месяца – добился признательных показаний.

«Я дал старосте Филипову следующую контрреволюционную установку: “Вам надо теперь использовать в своих целях сталинскую Конституцию, надо разъяснять массам, что согласно новой Конституции в Советы могут быть избраны все лица, не считая их социального прошлого (кулаки, служители культа и др.), и можно не избирать тех, кто руководит страной в данное время”»...

«После того, как был опубликован в печати проект Конституции, я стал проводить среди колхозников агитацию, что большевики признали религию, и в воскресные дни нужно не ходить на колхозную работу, а нужно ходить в церковь»².

Признания священников подтверждались справками из сельсоветов:

«Гр. Крылов Александр Семенович на территории Гон-

² Дело № 94131. Лист 181.

гинского с/совета проживает с 1932 года при церкви Николая Чудотворца. На территории с/совета ничего не имеет. С хозяйством не связан. Государственные платежи, как мясопоставки выполнял до 1937 года аккуратно, но в 1937 году мясопоставки не выполнил в установленный срок, мотивируя на то, что у него нет скота и найти мяса не может. Грн Крылов всячески старался во время пасхальных дней срывать колхозные работы. Устраивал в церкви митинги о том, что райисполком разрешил производить крестный ход, что мы вправе будем ходить, тогда как официального распоряжения не было у них на руках. После того как были выполнены постановления двух общих собраний колхозов о закрытии церкви и отобрании ее под культурные нужды, он сразу же организовал своих людей, то есть членов двадцатки и направил по участкам собирать лишние “руки” по населению против закрытия церкви»³.

О том, как вершили правосудие советские чекисты, рассказывать не нужно, но, право же, и для тридцать седьмого года обвинение оятских священников вопиет.

Ведь священников в результате расстреляли только за то, что они призывали жить в соответствии с советскими законами, за то, что они «пропагандировали» сталинскую Конституцию.

К сожалению, дела тридцать седьмого года скудны на детали и подробности.

³ Дело № 94131. Лист 21–22.

Кто бы – офицер, священник или крестьянин – ни проходил по делу, в какой бы местности – в Ленинградской области или в Коми АССР – ни велось дело, все они похожи друг на друга. Редко-редко проникает в протоколы живая человеческая интонация, какая-либо конкретная деталь.

Мертвые, тяжелые словоблоки вопросов: «Вы арестованы как участник к/р организации. Расскажите, кем и когда вы были завербованы в эту организацию?» – сменяются мертвыми, уставными ответами: «Елпединский дал установку, чтобы я проводил через надежных людей к/р агитацию».

Люди так не разговаривают ни при каких обстоятельствах.

Так скрипит машина смерти, перетирающая в лагерную пыль очередную человеческую жизнь.

Что-то неодушевленное задает вопрос.

Что-то мертвое отвечает на него.

4

Но вот что поразительно...

Из канцелярского шелеста бумаг, из скрипа машины, равнодушно перетирающей в прах человеческие жизни, вдруг совершенно ясно и отчетливо возник живой отец Александр Крылов.

Я вдруг ясно увидел этого тридцатисемилетнего настоятеля церкви, закрытой решением двух общих колхозных собраний...

Этого священника, живущего без хозяйства, без собственности, но при этом выплачивающего все мясные и не мясные поставки...

Этого отца пятерых детей – старшему было девять лет, младшему один год, – которых надо было кормить и одевать...

Как он жил?

Как, раздавленный нуждой и бесправием, умудрялся он сохранять священническое достоинство и при этом продолжать хлопотать об отмене несправедливых решений о закрытии церкви?

И вот что еще поразительно...

Отцу Александру Крылову было всего семнадцать, когда произошла революция, когда перевернулась жизнь. Ему, ученику духовного училища, легче многих других было начать иную жизнь. Достаточно было отречься от веры, и тогда открылись бы многие пути в новой России. Примеров тому достаточно и среди нашей военной аристократии, и среди крупных государственных чиновников.

Но сын священника Александр Крылов сам стал священником в эти нелегкие для Церкви годы. И понес тот нелегкий крест, который дал ему Господь, и пронес до своего смертного часа.

Замученный нуждой, не бросил он прихожан, не оставил алтаря, к которому поставлен был служить. До самого последнего проведенного на свободе дня, как это видно по ма-

териалам дела, пытался он отстоять, спасти уже закрытую церковь...

Увы... в деле № 94 131 не было ни одной фотографии.

И все же пока я перелистывал пожелтевшие страницы, ясно и отчетливо ощущал на себе чей-то взгляд. Словно это отец Александр Крылов смотрел на меня с пожелтевших страниц...

Ничего своего, личного не было в этом взгляде.

Все частное было перетерто на жерновах тридцать седьмого года. Осталось лишь то, что уничтожить невозможно.

То, что не исчезает.

И вспоминая этот взгляд с пожелтевших страниц, стоит ли удивляться, что и сейчас, много десятилетий спустя, слышен звон разбитых колоколов, неуничтожимые голоса расстрелянных за монастырским гумном иноков?

Вся наша Россия сейчас одно только неуничтожимое и есть.

Все, что можно было уничтожить, давно уже уничтожено...

5

Возрождение Введено-Оятского монастыря началось при Владыке Иоанне, митрополите Санкт-Петербургском и Ладужском. И связано оно с именем первой настоятельницы

монастыря, матушки Феклы.

Удивительна судьба этой женщины. Удивительна и непостижима именно обычностью своей, похожестью на миллионы других русских судеб.

Всю жизнь проработала матушка Фекла сварщицей на Балтийском заводе.

Заработала на этой работе инвалидность.

Вышла на пенсию.

Когда, уже после ее кончины, снимали фильм, киногруппа побывала и на заводе. Нашли людей, которые работали в то время на заводе, но никто не смог вспомнить будущей настоятельницы Введено-Оятского монастыря.

Недоумения киношников рассеял начальник отдела кадров.

– Кого мы помним? – спросил он и сам же и ответил. – Скандалистов... Прогульщикова... Нарушителей разных... А она двадцать лет проработала у нас, на работу никогда не опаздывала, не прогуливала, ничего не просила... Получается, что и вспоминать нечего...

И тут можно бы потолковать, что пространство современного заводского производства совершенно не способствует общительности людей. Очень мало требуется от каждого отдельного человека, чтобы выпускать необходимую продукцию, какая-то крохотная часть того большого, что называется Человеком, и только в этом крохотном и соприкасаются здесь люди...

Или поговорить, что, оказывается, и в переполненных людьми заводских цехах можно найти духовное уединение, подобное тому, которое находили в пустынях древние отшельники...

Но важнее – другое...

Жизненный путь матушки Феклы свидетельствует, что и после стольких десятилетий атеистического лихолетья, еще являются из недр народной массы подвижники веры, подобные тем, которые украшали Русскую Православную Церковь во времена ее расцвета.

Житие матушки Феклы отчетливо делится на две части.

Прикровенную жизнь, которая внешне ничем не отличалась от жизни других заводчан, и открытую, когда призвана она была к монастырскому служению.

Высокий смысл заложен в этом дивном преображении.

С первых шагов на новом поприще являет себя матушка Фекла мудрой устроительницей обители, великой молитвенницей и прозорливицей.

Вскоре после возобновления монастыря чудесным образом вблизи обители вновь забил источник Богоматери, иссякший после расстрела здешних монахов.

6

Наша попутчица, еще совсем молодая монахиня, рассказала историю, произошедшую, когда только начинал устраи-

ваться их монастырь...

«Матушка Фекла долго молилась, чтобы вода в монастыре была. И вымолила. И забил источник.

Да не простой, а радоновый, целебный.

И, конечно, нашлись люди, которые решили бизнесом заняться и начать торговать целебной водою.

Собрались вместе и начали обсуждать, как оденут в бетон источник, как сделают цех розлива воды, как потекут деньги в их карманы.

– А монастырь? – спросил один из бизнесменов.

– А что монастырь? – удивился другой бизнесмен. – Пускай тоже у нас покупают. Мы им, ха-ха, со скидкой отпускать воду будем, как, ха-ха, постоянным покупателям...

– А на кого участок оформлять будем?

– Как на кого? На меня...

– А почему не на меня?

– Потому!

Так слово за слово драка завязалась. И вот вместо того, чтобы святой источник приватизировать, один на тот свет отправился, а другой в тюрьму.

Вот такая история случилась...»

Попутчица перекрестилась, завершая свой рассказ.

– А источник? – спросил я.

– А что источник? – ответила попутчица. – Источник у Богородицы остался...

Редко кто из приезжающих сейчас в Введено-Оятский монастырь, не побывает на этом источнике Богоматери, источающем дивную целебную воду.

Сбегая от колодца-часовенки, вода скапливается внизу в небольшом озерке.

Когда мы спустились туда, словно специально подгадав время, пошел снег.

Осторожно переступая по скользкому глинистому дну, заходили мы в ледяную воду.

Перехватило дыхание, когда я окунулся с головой в первый раз. Перекрестился и – снова в воду. А когда окунулся в третий раз – уже не очень-то и хотелось выходить из источника. Как-то необыкновенно тепло и весело стало.

Нечто похожее происходило и с моими спутниками. Никто не ежился от холода. Не спеша выбрались мы из озерка, оделись и пошли к собору...

Навстречу нам двинулись к озерку женщины.

По-прежнему затянуто тучами было небо. Но прибавилось тепла и как будто прибавилось света, и ясно различал я набухшие на ветвях деревьев почки.

– А когда, – спросил я еще в автобусе у монахини, – когда вы поняли, что удалось возродить монастырь? Когда источник забил?

– Нет... – ответила монахиня. – Мы это поняли, когда повсюду из монастырской земли косточки людские стали выходить. Мы их собирали и погребали у креста на кладбище...

Жутковато было думать о костях, которые выходили из земли, чтобы наконец-то отнесли их на кладбище, но это тоже, как и святой источник, часть великого чуда, возрождаемого из мерзости разрухи и запустения монастыря...

Частью этого чуда видится мне и судьба самой матушки Феклы.

Страшными и безжалостными для Русской Православной Церкви были десятилетия владычества ленинской гвардии.

С жалобным стоном валились на землю сбрасываемые колокола, с тихими словами молитвы падали в безымянные могилы расстреливаемые священники. В лютой сатанинской злобе сокрушались кресты и священные алтари.

Ничего не оставлялось народу. Ни священных книг, ни икон.

Только память.

Только больная совесть, в глубине которой и продолжали

звенеть сброшенные колокола, петь расстрелянные иноки.

Я говорю сейчас не о памяти отдельного человека. Многие, очень многие сумели все позабыть, но от этой потери память народа не ослабла, душа не омертвела в атеистической пустыне.

И когда это стало нужно, появились такие духовно зрелые подвижники Церкви, как матушка Фекла.

Явились из сокровенной глубины народной души, сберегавшей и сберегшей всю первозданную святость неразрушенной России.

9

Уезжая, мы побывали на монастырском кладбище...

Здесь могила родителей святого Александра Свирского, здесь могила, в которой нашли упокоение кости расстрелянных чекистами монахов, здесь и свежая совсем могила матушки Феклы...

– Какие голоса? – удивилась монахиня, когда мы спросили ее о голосах убиенных монахов, которые слышно бывает в полночь, во время крестного хода. – Не знаю... Это у кого какой слух. А я, например, только колокольный звон слышала.

Она еще хотела о чем-то рассказать, но не получилось.

– Ах, матушка! – воскликнул, перебивая ее, наш сосед по автобусу. – Какая жалость, что нам еще до вечерней служ-

бы придется уехать из монастыря. Вот бы пройти с ночным крестным ходом вокруг монастыря да послушать, как Ангелы-то поют... Теплынь-то у вас какая духовная!

Говоря так, он наклонился к кресту на могиле матушки Феклы.

И, видно, не рассчитал движения, неловко ткнулся лбом в угол перекладкины...

Получилось, словно матушка Фекла и ударила его по лбу не так чтобы сильно, но чувствительно. Как и в земной жизни, рассказывают, она своим посохом вразумляла шибко восторженных сестер и паломников...

Перекрестившись, наш сосед по автобусу потер ушибленный лоб и поцеловал все-таки крест.

Но про теплынь духовную он уже больше ничего не говорил.

– Радостно, что после нас что-то останется... – говорила матушка Фекла. – Придет человек, когда ему будет трудно, придет от суетного мира и скорбей и найдет тихую обитель, – ведь душа требует покаяния и утешения, главное, чтобы народ пришел к вере, пришел к Богу, главное – понять то, что дерево без здоровых корней не растет и не расцветает, а обители, как и раньше они создавались – это корни всего народа, если обители разрушены – значит народ свою душу искалечил, разорваны сердца людские, как и эти обители.

Медленно кружась, падали снежинки.

Было уже начало апреля...

Господи, помилуй

В поселке Вознесенье, где я родился, церкви закрыли еще до войны, а при Никите Сергеевиче – динамиту тогда у нас уже хватало – последнюю церковь взорвали.

Но Веру, но Надежду на спасение души нельзя ни закрыть, ни взорвать, и Православие тоже не исчезло никуда, а, напротив, оставшись без храмов, порою приобретало даже какую-то изначальную, первохристианскую простоту и ясность.

1

Вот и бабушка моя глубоко и искренне верила, что достаточно прошептать перед смертью: «Господи, помилуй!» – и душа будет спасена для вечной жизни.

– И что же? – спрашивал я. – И молиться не надо? И Евангелие читать не надо?

– Почему не надо? – отвечала бабушка. – И молись, и читай... Только, главное, не забудь, когда придет час помирать, «Господи, помилуй!» попросить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.